

Владлен Немец

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Super Издательство
2016

Владлен Немец
После войны

«СУПЕР Издательство»

2001

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Немец В.

После войны / В. Немец — «СУПЕР Издательство», 2001

Пятидесятые годы прошлого столетия. Несколько фронтовиков, возмущенных жестокой несправедливостью по отношению к инвалидам Отечественной Войны, встали на их защиту. Однако оказалось, что проблема инвалидов ВОВ только небольшая часть того, что творилось в областном городе и вокруг него. Бывшие фронтовики, сами того не подозревая, вступили в борьбу Советской Властью.

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)

© Немец В., 2001
© СУПЕР Издательство, 2001

Содержание

Новоторов	6
Им можно противостоять	6
У своих	9
Что делать будем мужики?	11
Разговор по душам	12
Разговор в школе	13
Стремянный	15
Дом инвалидов	15
Сергей Серебров	18
Представление	26
Встреча в пути	28
Разговор после бани	29
На следующее утро	30
Разговор с секретарем обкома	31
Партхозактив	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владлен Немец

После войны

© Владлен Немец, 2016

© ООО «СУПЕР Издательство», 2016

* * *

Новоторов

Им можно противостоять

Это, конечно, было большой удачей. Они шли третий день, почти не натыкаясь на противника. Безусловно, здесь была и заслуга лидера группы, сержанта срочной службы Новоторова, он умело организовал боевое охранение и разведку. Но отряду везло еще и потому, что наступавшие немецкие войска, практически, на первых порах почти не встречая сопротивления, стремились как можно дальше продвинуться вглубь страны, и двигались не сплошной стеной, а ударными клиньями. При этом оказывались незатронутыми довольно широкие полосы территории. Именно по одной из таких полос и шла группа бойцов и командиров из разных частей, рассеянных или уничтоженных в приграничных боях. Крестьяне сочувственно относились к попавшим в беду солдатам: кормили, давали ночлег, показывали дорогу.

За это время удалось уничтожить нескольких отбившихся от своих частей немецких мародеров, в результате чего отряд обзавелся автоматами.

* * *

– Эй, гражданочка, куда торопитесь? Может вместе пойдем? – Вышел на тропу Василий Толстиков.

– О-ох, чертяка, прямо до смерти испужал! – но голос и выражение лица молодой женщины говорили о том, что если она и удивлена появлением статного русоволосого парня на лесной тропе, то уж во всяком случае не испугана, а может быть даже не против продолжения знакомства.

– Так куда же вы все-таки идете, да еще корзинку со съестным несете?

– Чем вот так с бухты-барахты прямо допрашивать, познакомился бы сначала.

– Василий.

– А меня – Шура. А иду я, Васенька, кормить вашего брата. Немцы пленных в лагерь загнали, сами их не кормят, а нам разрешают. А еще говорят, что если кто примаком захочет пойти, то его отпустят. Вот, кормим, ну, и понятное дело, присматриваемся: мужиков то в деревне никого не осталось, кто в город подался, кого в армию забрали...

Еще поговорили, потискались ко взаимному удовольствию (деваха в самом соку, грудь каменная), договорились, что Вася ее ближе к ночи навестит...

* * *

Выслушав доклад разведки, Новоторов собрал совет командиров.

– Лагерь оборудован наспех. По всему видать – временный. Я так понимаю, что пленных туда загнали, чтобы под ногами не путались. Охранные сооружения – три вышки, пост у ворот, проволока в один ряд. В охране не больше десятка человек. Скорее всего надеются, что пленные и сами не очень хотят бежать. Предлагаю: Перед рассветом снять часовых (снайперы у нас есть), прорвать ограждение в нескольких местах, уничтожить оставшуюся охрану.

– Никита Артемьич, а с пленными как быть? Там люди разные.

– Эт-то верно, – Новоторов потер заросшую густой щетиной щеку. – Он понимал, что вопрос задан не спроста, и от его решения зависит судьба не только пленных, но и отряда. Пленных, по сведениям разведки, не меньше двух тысяч. И то, что они до сих пор не попытались сами освободиться, беспокоило. – Силком в армию мы их не загоним. Думаю, предложим, кто захочет добровольно...

– А с остальными как быть? Они же предатели! – политрук Федотов впился взглядом в Никиту.

С этим политручком надо поосторожней, – вспыхнул в мозгу сигнал, и тщательно подбирая слова Новоторов ответил: «Мы не можем быть карателями. Нам никто этого не поручал. Да и вообще, люди растерялись. Разойдутся по деревням, придут в себя. Думаю, многие пойдут в партизаны или будут через фронт пробиваться.»

Разгром лагеря прошел на удивление быстро и без потерь, если не считать нескольких легко раненых: немцы вообще не ожидали ничего подобного, да и предрассветный сон крепок.

К отряду присоединилось около сотни пленников. Среди них оказались два врача и четыре шофера, что было особенно кстати, так как среди небогатых трофеев оказались два исправных крытых грузовика и одна легковушка. Однако, главная удача ждала впереди. Когда отряд рассаживался по машинам, к Новоторову подошел черноглазый парень с горбатым носом и пышной спутанной шевелюрой иссиня черных волос: «Товарищ командир, разрешите обратиться. Младший лейтенант Семен Бернштейн.»

– Обращайтесь, только покороче, времени в обрез.

– Я военный переводчик, говорю на всех немецких наречиях – лейпцигском, баварском, помор-пьятте и как в других местах.

– Это как? – не понял Никита.

– В России уральцы и москвичи по разному говорят. В Германии тоже так.

– Ага, понял. А ихние уставы, правила там всякие военные знаешь? Бумаги читать, пленным допрашивать? Будешь при мне неотлучно, понял?

Быстро подружившиеся Василий и Семен очень часто на пару разведывали ситуацию в деревне или селе на пути отряда. Они легко входили в доверие, особенно к молодым, истосковавшимся по мужскому обществу женщинам...

* * *

– Ну вот что, товарищи бойцы, – Никита Артемьевич строго смотрел на стоявших перед ним Василия и Семена, – Вы тут того, насчет баб, то есть женщин... Куда это годится, я вас спрашиваю?! Вы должны другим пример показывать, а вы...

– Разрешите объяснить, товарищ командир?

– Ну объясняй, Толстиков, объясняй. Интересно. что тут можно объяснить!

– Во-первых, только по взаимному и любовному согласию, а во-вторых, народу-то после войны большая нехватка будет...

– Ага, понятно, значит вы с Семеном государственные люди, о будущем нашего государства заботитесь, так что ли?

– Вроде бы так, – подал голос Семен.

– Ну вот что. Если на вас поступит хоть одна жалоба, пеняйте на себя. Время военное и поступать буду по всей строгости!

– Не будет никаких жалоб, Никита Артемьевич, – чувствуя что гроза прошла мимо, развеселился Вася, – мы будем очень стараться!

– Тьфу! Глаза б мои на вас не смотрели, жеребцы стоялые! Вот как придем к своим, обоим губа достанется. Да, вот еще что. Село Успенское. Туда приличный грейдер подходит.

Так что не исключено, что немцы уже там. Четыре часа на выяснение обстановки. Идите, и помните, что я вам сказал.

– Будем очень стараться! – в один голос ответили дружки и отправились готовиться к разведке.

– Это Федотов, больше некому! Кланька ему по сопатке двинула, вот он и того...

– Ты с ним поаккуратней, Вася. Он бо-ольшая сволочь! Помяни мое слово, он нам еще напакостит.

* * *

Шедшая впереди отряда легковушка с одетым в офицерскую форму Семеном Бернштейном и еще тремя переодетыми в немецкие мундиры бойцами в течение нескольких дней успешно расчищала путь группе, шедшей за ними на двух трофейных грузовиках. Однако, по мере приближения к зоне боевых действий (линия фронта еще не установилась), проверки ужесточились. Решили дальше не искушать судьбу. Машины загнали в лесной овраг и там бросили. Пробираясь лесными дорогами, еще через пару дней отряд ночью переправился через реку и вошел в расположение своих частей.

– Стой! Кто идет! – заорал насмерть перепуганный часовой, когда в предрассветной тьме стали вырисовываться беззвучно приближавшиеся фигуры.

– Кто-кто! Свои, вот кто!

– Стой! Стрелять буду! Ишь, свои, – ехидно произнес часовой, но в голосе явно чувствовалось облегчение: люди подчинились окрику и остановились.

– В чем дело? Что за шум? – подоспел сержант с отделением автоматчиков. – Кто такие?

Сводный отряд бойцов Красной Армии. Из немецких тылов пробиваемся, – в голосе Новоторова радость мешалась со страшной усталостью, накопившейся за эти недели.

У СВОИХ

– Новоторов Никита Артемьевич, старший сержант, – особист нудным голосом читал красноармейскую книжку Новоторова. – Повторите, пожалуйста, каким маршрутом вы шли.

– Да я уже два раза повторил, товарищ капитан! – начал злиться Никита.

– Ничего, ничего, повторенье мать терпенья, – все также нудел капитан с малиновыми петлицами.

– *Да он же нарочно меня из себя выводит*, – сообразил Никита, – *не получится, милый, не на таковских напал*. – И начал в третий раз повторять все с начала, но теперь уже он говорил медленно, нудным голосом, явно подражая особисту. Однако тот или не понял, или сделал вид, что не понял Никитино «художественного творчества», внимательно выслушал все до конца, и даже пометки какие-то делал, как будто все в первый раз услышал.

– Хорошо, спасибо, я все понял, кроме одного. Почему вы, Никита Артемьевич, скромничаете, ничего про освобождение наших бойцов из немецкого концлагеря не рассказываете? А ведь подвиг, можно сказать, героический. За это орден и повышение в чине полагаются.

– *На кривой, значит, объехать норовит. Ишь, орденом поманил!* (За эти дни в лагере переформирования Никита узнал много нового, в том числе и то, что Сталин приказал всех военнопленных считать предателями и поступать с ними соответственно). – Никого я из лагерей немецких не освобождал. Даже не понимаю, о чем вы мне толкуете!

– Не понимаешь, значит? – голос особиста налился металлом, а глаза сузились и стали буровить Никиту. – Предателей покрываешь! Мне все известно. Жидок твой, Бернштейн, мне все рассказал, – капитан нехорошо оскалился. – Жидки, они пугливые. Я его чуть прижал, и он все начистоту выложил, тебя не пожалел. А ты его покрываешь!

– *Насчет Семена он врет. Не такой это парень. Видать кто-то еще выслужиться захотел. Узнаю, шею сверну!*

– Все вы предатели, – обозлился на молчавшего Новоторова особист, – вас всех на чистую воду надо вывести! Вы у меня по лагерям напляшетесь!

Тридцатые годы голодомора и страшная коса 37-38 годов приучили людей бояться всякого начальства, особенно с малиновыми петлицами. Никита не представлял исключения. Помнил как забрали предсельсовета, директора школы и еще нескольких сельчан. Приехали ночью на грузовиках с ярко зажженными фарами. В кожаных тужурках. С наганами. Злые – не подходи! И разразилась ночная тишина рыданиями баб, плачем разбуженных малышей. А про арестованных с тех пор ни слуху, ни духу. Как в воду канули... Но вот ведь, говорят, если труса к стене прижать, то и он отбиваться станет. А Никита трусом не был. И сегодня речь шла не только о его судьбе. Из двухсот с лишком бойцов больше половины, включая Семку Бернштейна, были из того злосчастного лагеря.

– *Значит, сволочь. на нас орденок заработать хочешь! Не выйдет. Мы еще потягемся!*

– Ну вот что, Новоторов, некогда мне с тобой прохладиться. Иди, подумай. Не осознаешь – пеняй на себя!

* * *

Поздно вечером, когда подвыпивший особист возвращался от телефонисток, его в темноте двинули по затылку, сунули в рот кляп, набросили на голову мешок, одним словом, отработали на нем приемы взятия языка. Очнулся он в лесу.

– Ну что, капитан, побеседуем? Значит, мало нашим бойцам было немецкой лагерной муки, теперь советскими им грозишь? Да, чтобы не забыть, лейтенант, политрук Федотов, погиб при переправе, так что из списочного состава вычеркни.

Труп Федотова с разможженным черепом валялся рядом.

– А вы с товарищем капитаном поаккуратней, не всю лагерную науку на нем показывайте, – обратился Новоторов к стоявшим рядом бойцам, лиц которых в темноте невозможно было разглядеть. – Сами видите, здоровья он некрепкого. Но разъяснить что к чему, конечно, надо.

Пришел особист в себя под утро в своем блиндаже. Все тело нестерпимо болело. Помочился кровью. Однако, внешних следов не было. Кто бил – не видел. Душила злоба от бессилия что-либо предпринять. Труп Федотова был серьезным предостережением. Да и рассказал в лесу на ночном допросе, который провел все тот же Семен Бернштейн, много такого, за что в органах по головке не поглядят.

А Новоторов понял, что и с энкавэдешниками можно управляться – они не всеильны.

Что делать будем мужики?

В большой, недавно подновленной избе, у председателя колхоза «Вперед» собрались бригады, бухгалтер и председельсовета. Два бригады не так давно вернулись с фронта после победы, а трое, в том числе и председатель, вернулись раньше, комиссованные по ранениям. У всех фронтовиков на гимнастерках ордена, медали и красные и желтые ленточки, соответственно за легкие и тяжелые ранения. Председатель, Никита Артемьич Новоторов, крепкий сорокалетний мужик с серыми не улыбающимися глазами, начал издали: «Положение мужики у нас хреновое, сами знаете. Война прошла по нашим местам взад-вперед несколько раз, целых изб почти не осталось, мужиков тоже раз, два и обчелся. В прошлом году был страшный недород, люди к муке черт-те что подмешивают, и этой смеси если до июля хватит, то считай повезло.» – Он тяжело вздохнул и оглядел собравшихся.

Бригады помалкивали: ничего нового председатель пока не сказал, значит и им говорить еще рано. Однако, начало настораживало: не тот человек Никита, чтобы переливать из пустого в порожнее, что-то видно он из района привез, вот и старается их подготовить. Так оно и оказалось.

– Так вот, был я в райкоме. Выступил секретарь, говорил о тяжелом продовольственном положении страны и о том, что район задолжал государству. Решение приняли – долг вернуть, а план нынешнего года выполнить на 120 процентов. Вот так вот! Что делать будем, бригады?

– Может Степаныч там с отчетами что-нибудь нахимичит? – робко спросил самый старый из бригадиров, семидесятилетний Прокоп Онуфриев.

– И не думай даже об таком! – отзвался из угла Андрей Степанович Головкин, работавший бухгалтером с самого образования колхоза. – За такие дела и раньше по головке не гладили, а теперь и подавно. На кого это я свою старуху оставлю, если посадят, на тебя, старого хрыча, что ли?

– Сам-то ты больно молоденький!

Начавшуюся было перепалку остановил председатель: «Степаныч прав. В таком деле химичить опасно, да и не к чему: поля наши известны. Комиссия определит урожайность на этот год. Останется только перемножить, и всё.»

– Комиссия всегда урожайность большую задает, а тут погода, засуха, град, либо еще что... Это нам опять без хлеба сидеть?!

– Слушай, Артемьич, а что если нам за речкой на лесных проплешинах запахать? Эти поля за колхозом числиться не будут, вот и будем с хлебом.

Бригады одобрительно зашумели, но здесь поднялся Андрей Степанович: «Это ты, Кузьма, конечно здорово придумал. А ну как кто стукнет, или какая баба проболтается? Тогда голов нам не сносить.»

– Ты погоди, Степаныч, не пужай. Вот ведь как на фронте было, чтобы тайну не разглашать? Там на этот случай особый отдел и контрразведка были...

И снова подал голос старый Прокоп: «Без хлеба нам никак нельзя. Это там, наверху насчет цифр рассуждают, а нам детей растить, и самим при нашей работе поесть как положено надо. Вот вы, Артемьич со Степанычем, и подумайте. Оно, конечно, дело такое, тайности требует. А вы, мужики, помалкивайте сами и других от ля-ля отучайте.»

Разговор по душам

– Дядя Никита, к вам можно? – небольшого роста ладная девушка лет 17-18, робко стояла у порога кабинета председателя.

– Заходи, раз уж пришла. Чего так поздно?

– А у меня к вам особый разговор.

– Ну уж если только особый, – председатель скупно улыбнулся. – Ладно, Галя, выкладывай с чем пришла, какие у нашего комсомольского секретаря вопросы и проблемы.

– Вы вот всё шутите, а мне не до смеха! Я может ночи не сплю, всё думаю. Вот вы, дядя Никита, по моему, очень хороший человек.

– Ты это моей Катерине скажи, у нее другое мнение.

– На фронте храбро за Родину дрались, себя не жалели, – не обращая внимания на шутливый тон председателя, продолжила Галя. – Вон две желтые нашивки и аж пять красных. Опять же, для колхоза сил не жалеете, ночь на дворе, а вы всё работаете. И еще кружок по марксизму вести неизвестно как успеваете.

– За добрые слова спасибо, ты их к моему юбилею прибереги, как раз пригодятся, если, конечно, до него дотяну. Давай поближе к делу. Сама видишь, время позднее.

– Я насчет дополнительных полей. Вроде получается, страну обманываем, хлеб собираемся утаивать. А ведь не могу поверить, что вы в чем-то плохом можете быть замешаны. Вот, объясните мне, пожалуйста. А то ведь и ребята наши тоже не знают, что и думать, и во всем сомневаются.

– Ты, секретарь, правильно сделала, что пришла с этим. Мне бы самому давно следовало с тобой насчет этих полей поговорить. – Он стал набивать трубку, потом еще минуту ее раскуривал – тянул время, продумывая предстоящий разговор, который, пожалуй, поможет решить ту тяжелую задачу, о которой говорил Прокоп. – Значит так, мы вот тут с бухгалтером подсчитали, что если даже отдадим весь хлеб до последнего зернышка и ничего не оставим колхозникам, то всё равно останемся должны государству. Вот, сама посуди – долг за прошлогодний недород и 120 процентов к нынешнему плану – это почитай два годовых плана. Там, наверху, масштабами всей страны мыслят, нас не разглядеть. А ты ведь сама знаешь, что на одной траве нам животноводство не поднять, а без этого нам из ямы никогда не выбраться. Опять же и сегодняшний день забывать не след – людям есть надо. Вот поэтому и идем на тайные поля. А выживем мы, животноводство подыдем, тут и государству нашему будет прямая выгода. Поняла?

Поняла, Никита Артемьевич.

– Нет, Галочка, поняла ты, да не всё. Все наши планы зависят от одного – сумеем мы сохранить их в тайне или не сумеем. Одно дело, когда тайну знают два-три человека, а тут её все в колхозе знают. Кто-то кому-то по секрету сказал, и всё пропало, и люди без хлеба, и руководители колхоза по лагерям. Вот так-то.

– Что же делать-то?

– Во-первых, нужно разъяснять людям, к чему приведет трепотня. А во-вторых, нам нужно организовать такой отряд, который мог бы предотвратить разглашение наших секретов. Тут, как раз, твои орлы очень даже быгодились. Вот ты об этом подумай, потом еще поговорим, пососветуемся. Дело очень нужное и срочное.

Разговор в школе

– Людмила Афанасьевна, у вас сейчас свободный урок? Вот и ладненько. Зайдите, пожалуйста, ко мне, – директор всегда отличался вежливостью, но это никого не обманывало: приглашение в директорский кабинет не сулило, как правило, ничего хорошего.

Направляясь в кабинет, Люда, которую только ученики и директор величали по имени отчеству, мысленно перебирала свои грехи за последнее время. По молодости лет за ней числилось кое-что, но вроде бы до директора это не должно было еще дойти. Может Зойка где не надо трепанулась? Или Валерка, гаденыш, подсмотрел как мы с Костей в сарае... Не должно бы! А может Ангелина чего ему в ухо напела? Её на это хватит, только и знает, что гадить по мелочам! Завидует, стерва, молодым. С завучем, старой девой, у молодых учительниц были натянутые отношения.

Однако, предположения Люды не оправдались. В кабинете за директорским столом сидел «Человек в футляре» – бывший директор школы, а ныне пенсионер и по совместительству (пенсии не хватало, да и скучно сидеть день-деньской на завалинке и трепаться со старушками) секретарь сельсовета Алексей Федотыч Коренев. Сколько ему лет никто точно не знал, а сам он на эту тему не распространялся, однако, по всем признакам было ему хорошо за семьдесят. Здоровье уже пошаливало, кровь тоже последние годы не грела, а потому почти в любую погоду Алексей Федотыч ходил в пимах, теплом пальто и шапке, за что и получил своё прозвище. Обычно очень добродушный и улыбчивый, особенно когда разговаривал с молоденькими девушками, он только кивнул и буркнул что-то невразумительное в ответ на Людино приветствие, чем несказанно её удивил.

– Садитесь, Людмила Афанасьевна, у нас с вами будет серьёзный разговор.

– Даже не представляю, о чем мы можем говорить. Я-то думала, меня директор за грехи вызывает, а тут вы. Вроде бы с сельсоветом у меня особых дел не было.

– Раньше может и не было, а теперь есть. Вот, посмотрите, это ваше письмо? – он протянул Люде серый самодельный конверт.

– Моё, а как оно к вам попало? – всё было настолько неожиданно, что Люда по началу даже не очень удивилась, что её личное письмо к ленинградской подруге, которое она сама не далее как позавчера опустила в ящик в поселковом почтовом отделении, оказалось вдруг в руках человека вроде бы к почте никакого отношения не имеющего. Потом она заметила, что конверт вскрыт. Всё ещё не совсем понимая, что происходит, Люда машинально вынула письмо из успешного потрепаться конверта, увидела, что некоторые строки в письме подчеркнуты жирным красным карандашом...

– Вы! Как вы смеете! Вы права не имеете! Это ведь тайна переписки, она же законом охраняется! Я буду жаловаться! – Люда густо покраснела, и не только от гнева, но еще и потому, что в письме содержались интимные подробности о встречах с тем самым Костенькой.

Однако, на Коренева слова Люды впечатления не произвели. Он молча ждал, пока девушка выговорится. Потом прихлебнул остывший чай: «Все, что вы говорите правильно. И права свои вы тоже очень верно понимаете. Тут только вот ведь в чем заковыка. Вот вы пишете, что живете хорошо, что колхоз о вас заботится, даже меня похвалили. Спасибо. Но вот дальше вы объясняете, почему все так хорошо – насчет дополнительных неучтенных полей, ну и так далее. А ведь это, по существу донос, да именно донос. Пропусти мы это письмо, и всему конец!»

– Почему же это донос? Я пишу в Ленинград своей закадычной подруге, очень порядочной девушке. Она никому не скажет, а и скажет, так что? Ленинград далеко, про наш колхоз там никто не знает.

– Вы ошибаетесь. Эта информация обязательно попадет не в те руки. Подумайте об этом. И еще. Это правда, тайна вашей переписки нарушена, вы можете даже сказать, что ваши права ущемлены. Но у нас нет другого выхода. Когда речь идет о судьбе многих людей, иногда приходится поступаться правами отдельного человека в какой-то степени. Прошу учесть на будущее. И последнее, в случае нужды разьяснениями не ограничимся. Возьмите ваше письмо.

Стремянный

Дом инвалидов

Разговор с секретарем горкома партии был коротким: «Мы направляем вас главным врачом Дома инвалидов.»

– Но я врач, а не администратор, Глеб Григорьевич.

– Вы прежде всего член партии и должны подчиняться партийной дисциплине. А не подчинитесь – партбилет на стол!

– *Что-то он так круто? Не пытается объяснить, уговорить, а сразу за партбилет,* – Стремянный поднял голову и чуть не охнул: Карнаухов смотрел на него с лютой ненавистью и злорадством. – *Ого! Значит правда, о чем шептались в поликлинике – гадина Нинка его подстилка.*

Позавчера он вызвал ее в кабинет. Нужно было предпринять что-то серьезное: массажистка Телятьева откровенно вымогала у пациентов деньги. Нет, не то чтобы никто подарков за работу не брал, но одно дело благодарность пациентов за хорошее обслуживание. А эта на первом сеансе показывала, на что она способна, а потом начинала валять дурака и очень прозрачно намекала – хочешь получить хороший массаж, плати. Пришлось принять меры – пригрозить ей увольнением с указанием в трудовой книжке причины. – *Ну вот, принял меры на свою шею. Делать нечего, придется переходить в Дом инвалидов. Против ветра не плюнешь.*

А за Домом инвалидов тянулась страшная слава: заведующие там долго не держались – спивались, садились в тюрьму, а последний, так этот даже пытался повеситься.

– Ну что, соглашаешься? – Секретарь перешел на ты, подчеркивая свое превосходство над какой-то паршивой клистирной трубкой, которая по тупости – по глупости осмелилась высунуться.

– Раз партия говорит надо...

– И смотри у меня, я шутить не буду!

* * *

Когда Стремянный впервые перешагнул порог дома инвалидов, ему стало не по себе. Одним словом – разруха. Тусклый свет, проникавший сквозь давно немытое окно кабинета главного врача, позволял разглядеть шкаф с поломанной дверцей и заваленный непонятно чем стол. Под ногами скрипела засохшая грязь.

– Ангелина Федосовна, надо бы кабинет мой в порядок привести, а то знаете ли и войти страшно.

– Некогда мне с вашим кабинетом возиться. Без вас дел невпроворот! Вы тут чуть не каждый месяц меняетесь, а я за всеми вами подтираю! – Сестра-хозяйка явно напрашивалась на скандал, нагло бравируя своей безнаказанностью.

Стремянный решил пока с ней не связываться. Он чувствовал, что за ее наглостью что-то стоит: видно ее кто-то очень и очень обидел, раз она на незнакомого человека так бросается. *Надо подождать, не стоит обострять отношения. Таким обязательно нужно перед кем-то выговориться. Тогда и разберемся, что к чему.*

Федор Алексеевич как мог прибрался в кабинете, выбросил накопившийся мусор, подмел пол, и, ни во что не вмешиваясь, начал присматриваться. В Доме Инвалидов, рассчи-

танном на сто пятьдесят человек, одновременно пребывало не более двадцати – тридцати инвалидов, причем их состав постоянно менялся. Еда, которую готовили для инвалидов, была такого качества, что однажды ее попробовав, он зарекся это делать вновь. По вечерам сестры в открытую таскали из Дома Инвалидов тяжелые сумки с продуктами. *Тож же инте-ресно. Почему-то они ничего и никого не боятся. Здесь какая-то закономерность. Койки инвалидов без белья. В туалет для пациентов не зайдешь. Что-то за всем этим кроется.*

Многоопытный доктор с выводами не спешил, а замечания хотя и делал, но делал их в очень вежливой форме, например, «А почему бы вам, уважаемая Ангелина Федосовна, не попросить санитарок вымыть полы в туалете?», и внимательно наблюдал за реакцией Старковой. А реакция не заставляла себя ждать: «А зачем? Все равно засрут! И замечания ваши мне вот где!» – она провела ребром ладони по горлу.

* * *

– Ангелина Федосовна, по моему у вас очень болит поясница. Зайдите ко мне, когда освободитесь, – как-то предложил Стремянный.

– Никак хочешь мне дурака под шкуру загнать? – искренне удивилась Старкова. – Совсем видать оголодал, что на меня позарился!

– Не болтайте глупостей, я врач!

Несколько сеансов оказалось достаточно, чтобы серьезно уменьшилась застарелая боль, к которой Старкова давно привыкла и считала неизлечимой.

Она растерялась: доктор был непонятным – она к нему со злом, а он к ней с добром. Она стала все чаще дерзить, пыталась заставить Стремянного потерять терпение и начать огрызаться, но Федор Алексеевич прекрасно понимал ее душевное состояние и... ждал.

И кризис наступил.

– Ну что вы все смотрите?! Что вы все выглядываете?! Думаете, Старкова пьянчуга, она ничего не понимает, не замечает? А я все вижу! Да я вам сама все расскажу. Мне терять нечего и бояться некого! – Глаза на иссиня-бледном испитом лице старшей сестры горели каким-то неистовым огнем. – Вот вы смотрите на меня и думаете «Пропащая баба, падло», а я не всегда такой была. Такая была красотулечка, за мной самые бравые парни приударяли, – неожиданно черты ее лица смягчились, в глазах появилось что-то мягкое, мечтательное, – а я ни на кого внимания не обращала. Только об одном думала, дескать кончу курсы медсестер, буду ходить в крахмальном халате, и жизнь будет замечательной...

Оказалось всё не так. Завоблздравотделом быстро понял, какие выгоды сулит создание Дома инвалидов. Но для этого нужен был надежный и в то же время безответный персонал. Он стал присматриваться к выпускницам областных курсов медсестер, стал следить за их начинающейся карьерой, и наконец, нашел...

Ангелина Старкова, назначенная сестрой-хозяйкой детского сада, по неопытности и не без помощи «добрых» людей уже через полгода запуталась в материальной отчетности, и ревизор из облздравики сказал, что у нее крупная растрата, и дело будет передано в суд.

– Не поверите, я так растерялась, даже удавиться хотела: ведь ни крошечки себе не брала! Это я теперь так понимаю, что может никакой растраты и не было, просто меня затурковать надо было. И, конечно, нашелся «добрый дядя». Он меня утешил, сказал, что ему меня жаль, что он переговорит с судьями. Я думала жизнь кончена, а он меня вроде бы спас, только лучше бы не спасал. Устроил меня сестрой-хозяйкой сюда, в новый Дом инвалидов. Потом он пришел как-то, сказал, что прокурор снова мое дело поднимает, подмазать надо, объяснил... как из дома для инвалидов войны устроить кормушку. А не соглашусь, – он меня больше защитить не сможет, и пойду я по тюрьмам. Пришлось мне и деньги добывать, и под ним побывать, и приятели его ко мне полезли. Я пить начала и мне все равно стало. Мы же

нарочно так делаем, чтобы инвалиды здесь не держались, а довольствие на всех сто пятьдесят человек получаем... – Старкова замолчала, задумалась. – Хороший вы человек, Федор Алексеевич. Уходите отсюда, пока вас здесь не запутали, а то и сопьетесь, как Данилов, что до вас был. Он очень душевным был, фронтовиков жалел, вот и повеситься хотел оттого, что ничем им помочь не мог. А эти скотины... у-у-у! Мало того, что они деньги здесь гребут. Они же и из меня чуть ли не отхожее место сделали.

– То есть как это «отхожее место»? Что вы такое говорите?!

– А так, напьется кто из них, а бабы под рукой не окажется, так прямо ко мне. Лыка не вяжет, мычит, а за юбку хватается, и нишкни, а то и по морде врежет.

– Что же вы терпите все это, милая вы моя?! – Стремянный не на шутку расстроился. Такой страшной исповеди он не ожидал.

– А куда мне деваться? Я теперь так замазана... Я тебе, Федор Алексеевич, так скажу, раз уж я тебе все равно как на духу выдала, мне такая жизнь не нужна. Я, может, давно бы на себя руки наложила, да как подумаю, что я вот подохну, а они другую дуру найдут и будут жировать по-прежнему. Если бы с ними всеми вместе...

* * *

После памятного взрывного разговора Старкова прониклась уважением и сочувствием к новому главврачу, и по собственной инициативе вместе с двумя санитарками привела в порядок кабинет главврача, а также запущенный кабинет физической культуры, куда Стремянный перевез свои приспособления из поликлиники. Правда, в остальном жизнь в Доме инвалидов не изменилась. И это саднило душу Федору Алексеевичу. Но здесь он был бессилен.

Сергей Серебров

– Итак, молодой человек (самому командиру части, Витебскому, сорок стукнуло), значит вы по специальности инженер-энергетик. А я коренной строитель. Саперного дела вы пока не знаете. Поэтому роту сразу вам не дам, при мне побудете, посмотрите, что и как нами делается. Понятно?

– Так точно, товарищ майор!

* * *

Старший лейтенант Серебров успел повоевать в пехотных частях, был ранен, а когда прибыл из госпиталя за новым назначением, кто-то обратил внимание на то, что он закончил Московский энергетический.

– Инженер, говоришь. Очень хорошо. Вот в инженерные части тебя и направим.

Инженерные, так инженерные. Сергей знал, что так называют саперов, но спорить не стал – это не институтское распределение...

* * *

Витебский словно прочитал мысли Сергея: «Ничего. Не боги горшки обжигают!»

– Так то горшки!

– Я вам так, Сергей Николаевич, скажу (*Какой-то он домашний, что ли*, – подумалось Сергею), главное, чему в институте учат, так это техническому мышлению. Вас сейчас на любую работу пошли, через полгода освоитесь. У нас, правда, такого времени нет. Через недельку-другую в роту выпущу (на этом участке было затишье), а пока читайте инструкции, да приглядывайтесь.

Интересным человеком был командир саперов, Витебский Александр Львович. Всегда спокойный, всегда улыбочивый. Так и кажется, что нет у него никаких проблем, все решается легко и просто. Саперы, глядя на своего командира, заражались его спокойствием и уверенностью. Под огнем врага переправы делали, укрепления строили, от мин проходы рассчитали. И все спокойно, продуманно, без шума, без крика. Витебский скажет, и второй раз повторять не будет – нужды нет, все с первого слова выполняется. Но главное, за что его солдаты и офицеры части любили, заботился он о людях. Всегда у саперов было где обогреться, обсушиться, и даже такая роскошь – в горячей баньке простуду отпарить. И был он инженером божьим именем. Уже в тридцатые годы кафедрой в Московском инженерно-строительном институте заведывал. А потом донос, по тем временам обычный (может кому-то его кафедра приглянулась, кто знает), и до ноября 41-го Норильский Никелевый в Заполярье на вечной мерзлоте строил. Вернули, дали отпуск на три дня, а домашних никого нет, в доме временные жильцы, бедолаги-эвакуированные живут, ничего ни про кого не знают. Из военкомата сразу в инженерные войска направили. Так и пошло.

Как-то Винницкий сказал Сергею, пытавшемуся сделать расчет какой-то конструкции: «Не спешите хвататься за логарифмическую линейку. Считать по формуле и техник может, а вы инженер. Постарайтесь сначала представить себе физическую картину, то есть как будет выглядеть сооружение в натуре, каким нагрузкам оно будет подвергаться. Ну уж а потом...»

Иногда Сергею даже начинало казаться, что он опять на институтской практике, рядом с ним опытный и доброжелательный консультант.

Александр Львович сдержал слово. Сергей получил роту только через две недели. Очень помогали опытные, второй год воевавшие саперы, которым сразу приглянулся их новый командир, не теряющий в трудную минуту, не стесняющийся спросить совета, не подчеркивающий свое командирское положение.

Примерно через полгода Сереброва назначили командиром саперного батальона, но уже в другом соединении. Расставание было грустным. На фронте свыкаются друг с другом быстро. Винницкий разрешил Сергею взять с собой нескольких саперов из его роты.

Дальше жизнь Сергея покатила по обычной военной дорожке. Строил укрепления на Курской дуге, налаживал переправы на Днепре, клял Кориолисово ускорение, из-за которого западные берега рек оказывались высокими, а восточные низкими, расчищал проходы в минных полях... Два раза был ранен легко, лечился в самой части. А вот на Западной Двине не повезло. Взрывная волна отправила его в госпиталь с тяжелой травмой позвоночника всерьез и надолго.

* * *

В Министерстве Электростанций его приняли на ура: заслуженный фронтовик, и диплом довоенный, да еще успел три года перед войной на электростанциях поработать. А тут еще и опыт инженера военного. Направили для начала в отдел перспективного планирования. Начальник главка сказал: «Ты сначала сверху посмотри, общую картину себе представь, а потом уже, когда за конкретное дело возьмешься, тебе все понятным будет. – Помолчал и добавил, – там старшим инженером Марина Горелик, женщина толковая. У нее многому можешь научиться. Только она у нас как тот змей в раю, так что ты злаки бери, а плевелы отсеивай.» – И сам засмеялся такому сравнению.

Карта перспективного развития энергетики Союза была громадной. Когда включали ее для демонстрации, она светилась красными огоньками электростанций и разноцветными, в зависимости от напряжения, линиями электропередачи.

Залюбовался Сергей. Еще бы, станции мощностью в миллион киловатт и больше, линии до четырехсот киловольт. Начальник отдела пояснил: «В будущем будут даже отдельные генераторы-миллионники, а ЛЭП до 700 киловольт. Мы их на этой карте пока не показываем, чтобы нас фантастами не прозвали. Конечно, нагрузок под такие параметры электростанций и линий пока нет, но думать об этом нужно уже сейчас.»

Марина, стройная миниатюрная молодая женщина с громадной шапкой не поддающихся гребню черных как смоль волос, под чье начало попал Серебров, охотно отвечала на вопросы Сергея. Ей нравился серьезный, вдумчивый инженер, да еще окруженный романтикой фронта. Стороной она узнала, что Сергей кончил войну полковником, имеет ордена. Он даже орденскую колодку не носил, и вообще о своем фронтовом прошлом не распространялся. Только один раз, когда зашла речь о пересечении ЛЭП с большой судоходной рекой, упомянул о подъемном кране на саперской барже, который задел высоковольтную линию. Сергей часто останавливался около карты и молча восхищался перспективной мощностью энергетики.

Однажды он засиделся в отделе допоздна, помогал Марине составлять задание для математиков на аналоговую модель одного из гидроэнергетических узлов. Она неожиданно заявила: «Вы очень даже неплохой инженер, Сергей Николаевич. Но у вас есть один существенный недостаток.»

– У меня много недостатков Марина Михайловна, – улыбнулся Сергей. – Какой из них вы имеете в виду?

– Вы все принимаете некритично.

– Для того, чтобы критиковать, нужно хорошо знать дело. Но вы, мне кажется, имеете ввиду что-то конкретное.

– Совершенно верно. Вот вас восхищает перспективная карта энергетики. А вы обратили внимание на то, что на ней почти нет новых тепловых станций, только гидроэлектростанции?

– Обратил. А что в этом плохого? Эксплуатационные расходы минимальные. Топлива не требуется.

– Вы знаете, я тоже так думала. А вот когда модель предыдущей ГЭС готовили, математики у меня стали дополнительные данные просить: какая площадь поверхности водохранилища, какая температура воздуха по месяцам, много ли солнечных дней, как рыба сейчас идет, что именно будет затапливаться, и так далее. Я, конечно, спросила, зачем им такая информация.

– Я, кажется, начинаю понимать.

– Ну-ка, ну-ка!

– Судя по тому, что они у вас запрашивали, их интересует сколько воды будет испаряться, как плотина отразится на речной живности, как вообще эта электростанция повлияет на окружающую среду.

– Сережа, вы гений! За это и поцеловать не грех!

Слова были шутливыми, но губы горячими, а упругая, изголодавшаяся по мужской ласке грудь тяжело вздымалась под батистовой кофточкой. Губы слились в пьянящем поцелуе, а руки Сергея сами поползли к тоненькой талии молодой женщины.

– Всё! Хватит, хватит! А то мы с вами так увлечемся, что... Поставьте чайник. У меня заварка замечательная есть.

– Так вот, – продолжала Марина после чая, – оказалось, что эта станция изменит климат, нарушит ход рыбы, будут затоплены пахотные земли и небольшие города вокруг. Да, там еще леса. Их, оказывается нужно вырубить, а то они будут гнить и водную среду портить.

– А с вариантом ТЭЦ не пробовали сравнивать?

– Сергей, с вами опасно иметь дело! Сравнивали. Мы выяснили некоторые новые факторы. Оказывается, водохранилище приобретает характеристики моря. Его берега нужно все время контролировать, решать проблемы обмеления и так далее и тому подобное. Вообще, станция оказывается весьма дорогостоящим сооружением. Эксплуатационные расходы почти сопоставимы с ТЭЦ, а первоначальные затраты намного выше. Кроме того, плотину нужно сразу строить на максимум дальнейшего расширения, то есть уже сегодня закладывать расходы на то, что потребуется через много лет.

– Получается, что ГЭС-гиганты лучше не строить?

– Сережа, – Марина поднялась, положила Сергею руки на плечи, внимательно посмотрела в глаза. – Строить их уже решено там, наверху. Нашлись горе-академики, убедили Политбюро. Принято решение. Опубликовано во всех газетах. Обозвали эти ГЭС стройками коммунизма. Поэтому говорить об этом теперь небезопасно.

– Зачем же было весь сыр-бор затевать с этими моделями окружающей среды?

– Затем, что знать это нужно. Времена меняются. Что-то может быть можно будет предотвратить. Вот за этим. Ох, мы с вами сегодня засиделись! Уже одиннадцать часов.

– Марина, можно я вас провожу? – Заметив колебания молодой женщины, добавил: «Мне все равно спешить некуда, я в общежитии пока живу.»

От метро «Электrozаводская» до Суворовской шли по плохо освещенным улицам. Под ногами скрипел ледок, прихваченный весенним морозцем.

По дороге Марина рассказала, что муж, кадровый офицер, погиб еще в августе сорок первого. Мать с отцом на Урале. Институт кончила в сороковом, уже замужем. Потом

Марина стала расспрашивать о войне. Сергей отшучивался (вспоминать не хотелось): «Пока в пехоте был, не столько воевал, сколько перемещался.»

– Это как?

– А очень просто. Только окопаемся, как сразу какое-нибудь начальство явится. И сразу по матушке. Дескать, такие-сякие-немазаные, не в том месте окапываетесь. Перекинут нас на новое место. Только поесть приспособимся, как нас кому-то на подкрепление бросят. Мы туда, а они уже оттуда!

– Так вы немцев не видели?

– Ну почему же. Самолеты ихние, танки, мотоциклистов, а пару раз с натуральной пехотой повстречались.

– А с нею как?

– Видите, жив покуда.

– Сережа, вы все шутите! Но вы же от лейтенанта до полковника доросли.

– Ну, это в саперах. А сапер, он на войне первый каторжник. Знаете что, Марина? Давайте о чем-нибудь другом. Не люблю я про войну. Грязное и трудное это дело.

У пятиэтажного дома строительства тридцатых годов Марина остановилась: «Вот мы и пришли! Может зайдете?»

– Нет, пока мы на «Вы», так поздно заходить неудобно.

– Понятно. А на брудершафт сейчас пить, наверное, тоже поздновато?

– На брудершафт никогда не поздно. Было бы чего! – браво пошутил Сергей.

– «Чего» найдется.

Сергей посерьезнел: «Мариночка, большое спасибо за приглашение. Вы мне очень нравитесь. Боюсь только вас и ваших домашних в такое позднее время беспокоить.»

– Первый раз вижу полковника – красну девицу. А из домашних у меня только кошка. Но она по ночам в гости ходит. Так что вы ее не беспокоите.

Опыт общения с женщинами у Сергея был небогатый. Первый поцелуй на выпускном вечере. На преддипломной практике дежурство на подстанции с бывалой девицей помогло стать мужчиной, да еще развеселая сестричка во время пребывания в госпитале для выздоравливающих. Но здесь назревало что-то серьезное. Когда тебе за тридцать по паспорту и бог знает сколько по жизни (не зря же на войне год за три считали), то поневоле становишься осторожным. Но... взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Скромная двухкомнатная квартира Марины (муж получил как премию за успешное завершение строительства жилого комплекса) показалась Сергею, у которого со студенческих лет не было своего жилья, просто роскошной.

– Сережа не стойте как на поминках, раздевайтесь, располагайтесь, посмотрите мою библиотеку, а я сейчас.

Марина появилась минут через десять, уже в халатике, от нее пахло какими-то доверенными духами, и она показалась Сергею такой соблазнительной, что он не удержался и попытался ее поцеловать.

– Сережа! Не торопите события! Лучше помогите мне с кухни кое-что принести, – ловко увернулась от его объятий Марина.

Кое-что оказалось сделанным на скорую руку винегретом, ломтиками розоватого сала, черным хлебом, ну и конечно бутылкой полученной по талонам водки.

– За что выпьем?

– За вас, Марина.

– Ах да, мы еще на «Вы»! Ну это мы с вами поправим. Подождите, Сережа! Куда вы торопитесь? У нас вся ночь впереди!

От такого обещания у Сергея захолонуло сердце и кровью налились щеки.

– Сережа, вы прелесть! Оказывается вы еще умеете краснеть! Ну хорошо, не буду вас мучить. Давайте на брудершафт.

Выпили. Уже не сдерживая себя, Марина обвила шею Сергея, а он, повинувшись древним инстинктам, подхватил ее на руки и понес в спальню. Ставшими какими-то чужими от волнения руками Сергей кое-как разделся. Когда, протянув к Марине руки, он наклонился над кроватью, она прошептала испуганным голосом: «Только не будь мясником, пожалуйста!»

– Мариночка, милая! – потом он говорил что-то еще, чего сам уже не слышал и не понимал, искал ее губы, а руки ласкали упругую молодую грудь с упрямо торчащими розовыми сосками, потом пошли ниже к тонкой талии, упругому животу...

– Сереженька тебе помочь? – опыта у Марины было явно больше, сколько-то лет была замужем, а потом две неудачные встречи, после которых даже в зеркало смотреть на себя было противно. С Сергеем все было иначе.

Заснули утомленные, счастливые только часам к четырем.

– Маринка, на работу опоздали! – заорал Сергей, выпрастывая руку из под уютно расположившейся на ней головы Марины. Часы показывали четверть одиннадцатого.

– А сегодня воскресенье!

– Вот здорово, а я совсем забыл! Поехали в Сокольники. По аллеям погуляем. А там еще ресторан приличный есть. Там и пообедаем.

Попытка Сергея помыться под душем вместе с Мариной была сходу отбита: «Мы с тобой тогда никуда не попадем. И вообще такие развлечения нужно оставлять на вечер.»

День прошел замечательно. Гуляли по еще оголенным Лучевым Просекам под рвущуюся из репродукторов «Мне декабрь кажется маем...» Пообедали в коммерческом ресторане. В Луче посмотрели какой-то трофейный фильм. Опять гуляли, незаметно дошли до Преображенской площади. Там в коммерческом магазине Сергей купил продуктов, несмотря на то, что Марина ругала его за такое «гусарство»

– А что мне деньги солить, что ли?

Потоом Сергей купил у уличной торговки букет белых цветов за сумасшедшую цену. Торговка уверяла, что цветы привезли из Ташкента. Может так оно и было – откуда в Москве в марте свои цветы.

– Сереженька, ты себя ведешь прямо как жених.

– А может я жених и есть!

– Это нужно понимать как предложение руки и сердца? – попыталась пошутить Марина.

– А если так?

Марина сразу посерьезнела, освободила руку из под локтя Сергея, повернулась к нему: «Сережа, я тебе очень благодарна за предложение. Только мы с тобой знаем друг друга всего ничего. Давай не будем спешить. Поживем пока так, а там посмотрим.»

* * *

Через несколько дней Сергея перевели в отдел тепловых электростанций. Дальше потекли будни. Сергей приезжал к Марине вечером по субботам. По воскресеньям бродили по Москве и ее окрестностям, добирались даже до Лосиногостовского Острова. Однако, на все попытки Сергея узаконить их отношения, Марина отвечала уклончиво, просила не торопить событий. Сергей не понимал нерешительности Марины и даже начал сердиться. Сергей не знал, что в Союзе стали все более косо поглядывать на Маринино беспокойное племя, и она боялась, что женитьба на ней испортит карьеру любимому человеку.

По работе все шло более чем нормально. Через полтора года Сергей прошел аттестацию и стал старшим инженером. Скоро к нему начали обращаться за помощью даже давно

работавшие опытные сотрудники. У приехавших с периферии энергетиков он приобрел репутацию человека внимательного, всегда готового дать добрый совет, а то и помочь чем-то, что было в его силах. Несколько раз он выручал даже главных специалистов, этих мэтров энергетики. Особо его ценили за скромность. Он никогда не упоминал о своей помощи, искренне считая, что если ты можешь, значит ты должен. Марина его поругивала за неумеренную, как она называла, «щедрость души», и полушутя добавляла: «Ни одно доброе дело не остается у нас безнаказанным.» Сергей посмеивался, не подозревая, что шутка может оказаться пророческой.

Тем временем Сергей получил комнату, устроил маленькое новоселье для сотрудников, которые учитывая холостяцкую жизнь новосела, пришли со своей посудой и оставили эту посуду ему в презент. Марина помогала обставить жилье. Оказалось, что у нее есть знакомые в мебельных магазинах. Теперь она иногда оставалась ночевать у Сергея, шутливо поясняя: «Это я в порядке профилактики, чтобы посторонние бабы на тебя не зарилась.»

Но ничто не бывает вечным.

* * *

У зам. министра

– А у меня к вам серьезный и, я бы сказал, конфиденциальный разговор, Сергей Николаевич.

Сергей выжидающе молчал.

– Вот, по долгу службы, так сказать, просматривал я на днях ваше дело и, знаете, несколько удивился: диплом с отличием в энергетическом институте, блестящая карьера в инженерных войсках от лейтенанта до полковника, вся грудь в орденах – а в главке штаны протираете. Можно сказать, большой корабль по луже плавает.

Серебров смотрел на вальяжного, вечно улыбающегося зам. министра по кадрам. *Старому крокодилу мое место понадобилось, видать. Ишь как распелся! Но причем здесь конфиденциальность?*

А Иван Прокофьевич продолжал: «А у нас для вас как раз подходящая вакансия открылась.»

Тут уж Серебров не выдержал: «Чем же я это не ко двору пришелся?»

Улыбка пропала, и на Сереброва смотрел совсем другой человек, суровый и может быть чуть-чуть грустный: «Вот-вот, очень хорошо выразиться изволили. Именно, что не ко двору! Посудите сами, Сергей Николаевич. Пришли вы в Министерство четыре года назад. Так? Через два года – старший инженер. Другой всю жизнь к этому стремится, а вы через два года. Теперь вы кандидат на должность главного специалиста. И вот ваши сослуживцы сидят и дрожат – кого из них выставят, на пенсию отправят, а вам его место отдадут. Так-то!»

– Но позвольте, Иван Прокофьевич!

– А чего тут позволять? Вы же универсал, блестящий специалист. Скольким из так называемых главспецов вы помогли решать задачи, которые им оказались не по зубам, а? Вы всё это делали из лучших побуждений, понимаю. А они вот тоже понимают, что вы сильнее любого из них, а значит, любого из них заменить можете. Вам-то что! А они узкие специалисты. Это вы, если вас, к примеру, уволить, так всегда себе другую работу найдете, еще лучше прежней. А для них всякое перемещение – конец. Так что вы, дорогой мой, загоняете их в угол. И вот об этом я и хочу поговорить с вами доверительно. Поступает ко мне информация, что на вас телегу готовят. А у нас тут сами знаете как. Сразу по всему министерству проверки пойдут: что, да как, да почему. А враги – они у нас у всех есть!

– Страшные вещи говорите, Иван Прокофьевич.

– Может и страшные, но это правда. Это на фронте всё было ясно и понятно: здесь мы, там они. А тут пауки в банке. Я, голубчик вы мой, тридцать лет на кадрах – всего навидался.

– Значит, заявление подавать?

– Какое еще заявление?! На повышение предлагаем! Управляющий облэнерго Загряжской области на преподавательскую работу просится. Устал. Все-таки возраст, 67 лет.

– Ну как же это так, Иван Прокофьевич! Я всего лишь старший, и вдруг.... Шутка ли сказать, такое хозяйство, энергетика целой области. Тут очень даже подумать надо.

– А вы не думайте, соглашайтесь! Мы вам отсюда всяческую помощь окажем. И те же ваши сотрудники, как узнают, что вы им больше не конкурент, будут вам плечо подставлять. Комнату вашу, конечно, за вами оставим. Хотя, зачем она вам? Вернетесь большим начальником, квартиру получите. Для области три джипа выделено. Вот, на одном из них с ветерком. Хорошо! – зам. министра мечтательно улыбнулся. Потом полистал личное дело Сереброва, и добавил, – в поликлинику ходите, спина болит после контузии. Так вот, я специально выяснял: у них в области та-а-кой костоправ есть! К нему из столицы специально приезжают. Стремянный его фамилия.

* * *

Марина, когда Сергей рассказал о разговоре с заместителем министра, долго молчала, обдумывая что-то личное: «Сереженька, этого следовало ожидать. Помнишь, что я тебе говорила про добрые дела? Этот выход для тебя нашли отличный, а могли отправить в какой-нибудь проектный институт в Тьмутаракань, чтобы гусей не дразнил. Соглашайся Сережа, здесь действительно не о чем думать.»

– Мариночка, милая, я не об этом. Я не хочу с тобой расставаться. Давай поженимся и поедем вместе, а? Работу там для тебя подходящую найдем, а то преподавать станешь. Я слышал, там приличный политехнический.

– Сереженька, мне тоже с тобой расставаться как с куском самой себя. Не хотелось об этом говорить, но видно придется. Для евреев начинаются черные времена. Нет ты меня не перебивай! Ты станешь большим начальником, будешь на виду. Все твои дела будут обсуждаться и производственные, и личные. Жена еврейка – это гроб для твоей карьеры! – Кто знает, может ты меня потом и упрекать будешь. Не надо, Сереженька! Жизнь – штука сложная.

– Это все ерунда! Не может у нас быть такого!

– Ты газеты плохо читаешь, Сергей. Ты, когда-нибудь слышал про Еврейский Антифашистский Комитет? Его представители ездили по разным странам, уговаривали нам помочь, собрали много денег для обороны. Комитет этот сейчас распущен. Где они, члены этого комитета сейчас? Михоэлс, мы с тобой «Король Лир» с ним в главной роли смотрели, помнишь? Убит, и объявлен буржуазным националистом. Знаешь, чувствовать приближение грозы, это у евреев в крови! Ох, извини за неуместную лекцию, прорвало. Сережа, я ведь не от тебя о твоём новом назначении узнала. У меня было время подумать. И не спорь со мной. Давай лучше последние деньки используем.

– Марина, вы с Иваном Прокофьевичем прямо-таки на пару у меня пелену с глаз сдираете! Ну ты мне хоть писать-то будешь? А может приедешь? Что делать, что делать?! Передумаешь, я буду ждать.

* * *

И снова отправился полковник запаса, Сергей Николаевич Серебров, по тем маршрутам, которые, казалось, совсем недавно прошел со своими саперами под огнем врага. Груст-

ное это было путешествие: развалины, поля, перепаханные осыпающимися окопами, кое-где дощечки с надписями «Осторожно мины!» И чем дальше от столицы, тем ситуация хуже. Даже хлеб можно было купить только в городах.

Представление

– Дорогие товарищи, позвольте вам представить нового управляющего нашего облэнерго. Хороший инженер, заслуженный боевой офицер, направлен к нам из министерства. Надеюсь, что вы с ним сработаетесь. А вам, Сергей Николаевич, могу с полной ответственностью за свои слова сказать: коллектив у нас прекрасный. Нам приходится работать в труднейших условиях, но, несмотря ни на что, мы содержим в порядке все наше хозяйство и выполняем всё, что нам положено выполнять. Так что, прошу любить и жаловать. – Чувствовалось, что старый управляющий буквально выдавливал из себя слова приветствия, а в помещении зала совещаний управления Облэнерго, где происходила встреча, царила тягостная тишина.

– В чем тут дело? Прямо как на похоронах. Надо их расшевелить! Мне очень приятно было услышать, что Виктор Афанасьевич доволен работой коллектива. Надеюсь, что и мне не придется разочаровываться. А теперь позвольте мне коротко рассказать о себе. Мне тридцать два года. Я по специальности инженер-энергетик, закончил Московский энергетический институт. До войны успел поработать в Мосэнерго. Полагаю, что это очень хорошая школа. На фронте с августа 41-го в пехоте, потом в инженерных войсках, сапер, одним словом. Демобилизован по последнему ранению и контузии в 43-м. С тех пор работал в Министерстве энергетики сначала инженером, а затем старшим инженером. Теперь в отношении планов на ближайшее будущее. Прежде всего хочу поздравить вас и себя с большой удачей. Мне удалось уговорить Виктора Афанасьевича остаться у нас на должности главного консультанта. Только просят попусту не терять. Будем его совместно беречь. С основной документацией я успел ознакомиться еще в Москве. А сейчас хочу поехать по нашим объектам: бумага живого глаза не заменит. На время моего отсутствия всеми текущими делами будет заниматься главный инженер. Нам, конечно, повезло, что последнее наступление было стремительным, и немцы, практически, ничего не успели уничтожить. Тем не менее, радоваться, пока особенно нечему. Генераторные мощности, линии, и подстанции изношены. Кое-что нам, конечно, удастся получить из Министерства. Оно уже сейчас нам выделило «на бедность» три джипа, и несколько десятков километров проводов и кабелей. Попробуем вытянуть еще что-нибудь. На многое не рассчитываю. Средства, как правило, выделяются под конкретные объекты, преимущественно государственного значения. Несколько таких объектов намечается соорудить в нашей области. Однако, с моей точки зрения, у всех этих объектов один существенный недостаток. Строительство намечено на участках, отдаленных от основных жилых и промышленных зон области. Так что пользы нашей энергетике будет от них немного. Будем добиваться, чтобы строительство осуществлялось поближе, либо, что еще лучше, чтобы использовались существующие производственные мощности. Это трудно, но в случае удачи наша энергетика получит существенное подкрепление. Кстати говоря, выдавая технические условия на расширение или новое строительство, руководствуйтесь интересами нашего ведомства и не очень при этом стесняйтесь, но и зарываться не стоит. Репутация джентльменов с большой дороги нам тоже ни к чему (смех в зале). Еще проблема. Часть наших колхозов сегодня не присоединена к централизованному электроснабжению. Что здесь нужно сделать, пока не знаю. Вообще очень рассчитываю на помощь каждого из вас. Если появилась какая идея – в техотдел, к главному инженеру, ко мне. Двери всегда широко открыты. Я чувствую, что у вас накопились вопросы ко мне. Не стесняйтесь, пожалуйста.

В первом ряду поднялся немолодой интеллигентного вида человек в старомодных роговых очках: «Сергей Николаевич, а где ваши люди? Почему вы не хотите нас с ними познакомиться?»

Присутствующие задвигались, стали перешептываться, оглядываться вокруг.

– Ага, вот оказывается где собака зарыта! Кто-то видно уже постарался – пустил слух, что я буду заменять их на своих людей. Извините, пожалуйста, не знаю вашего имени отчества...

– Андрон Григорьевич Симаков, старший инженер технического отдела Облэнерго, – представился выступавший.

– Так вот, уважаемый Андрон Григорьевич, во-первых, мне не нравится выражение «ваши люди» – от него хозяйчиком отдает. А если по сути дела, то я никого с собой не привез, никаких пертурбаций сходу устраивать не собираюсь... Да и замечаний у меня пока никаких нет. Разве что в отношении вчерашнего отключения электроэнергии в районе центральной гостиницы. Нет, пожалуйста, не спешите с объяснениями, – остановил он начавшего было говорить главного диспетчера – Я знаю, что в городе, как и во всей области, жесточайший дефицит электроэнергии. Я знаю, что вы вынуждены по очереди отключать районы города. Мне непонятно другое – почему именно этот район потребовалось отключать два дня подряд? Может быть вы хотели продемонстрировать именно мне, раз уж я живу в этой гостинице, как плохо обстоят дела с электроэнергией? Это нарушение технологической дисциплины. Прошу вас выяснить, в чем тут дело. Кстати, в этом районе расположена насосная фекальной канализации (В зале кто-то громким шепотом произнес: «Ч-черт! И в этом успел разобратся!»). Как обеспечивается ее питание во время отключений? – Серебров всмотрелся в зал, пытаясь установить автора реплики, и встретился взглядом с девушкой, улыбавшейся и отчаянно тянувшей вверх руку. – У вас вопрос?

– Скажите, вы женаты? – зал грохнул от хохота, и обстановка сразу разрядилась.

– Поступила записка: «Не слишком ли стремительная карьера – из старших инженеров в руководители облэнерго?» Не знаю. Поживем – увидим. Могу только добавить, что я на эту работу не напрашивался, но раз уж взялся за гуж, то буду тянуть изо всех сил. И если будем работать дружно, то ответ на этот вопрос будет положительным.

Встреча в пути

Дорога была пустынной, встречных машин почти не было. На протяжении последних двух часов езды Сергей не только не видел линий электропередачи, но даже и низковольтные линии не попадались.

Как же это они обходятся без электричества? Значит, все на горбу? Планы грандиозные, стройки намечаются огромные, а хлебобороб по-прежнему сам по себе.

Серебров так погрузился в свои невеселые мысли, что только в последний момент заметил голосовавшего мужика, и проехал еще метров на тридцать вперед. Увидев, что одну ногу у мужика заменяет деревянный протез, Сергей подал машину назад.

– Садитесь, товарищ. Вам далеко?

– Не очень: по дороге километров десять, да в сторону еще три. Ну там-то меня подвезут или сам дотопаю помаленьку.

Сергей искоса взглянул на пассажира: «Что это вас черт-те куда, да еще без транспорта занесло?»

– Насчет черт-те куда – это вы правильно. Нашему колхозу здесь покосы выделили. Вот приехал посмотреть. Шоферу сказал, чтоб он через два часа, а он запропастился куда-то. А вы на каком фронте воевали? – сменил явно неприятную для него тему попутчик. – Я смотрю у вас три орденские планки и желтая ленточка. Ранение или контузия?

– И то и другое. У меня теперь спина как барометр – быть сегодня дождю, – усмехнулся Серебров. – А вы где ногу оставили?

– На Юго-Западном.

И потекла обычная беседа двух фронтовиков. На пересечении с грунтовой дорогой Никита Артемьевич Новоторов, так звали попутчика, попросил остановить: «Дальше я сам.»

– Куда там сам! Дело к вечеру. Небось все уже по домам. Поехали!

Разговор после бани

После настоящей российской жаркой бани с вениками и полоком, на котором могут усидеть только настоящие мужчины, новые приятели сели за стол, который не отличался разносолами, откуда им быть, но, конечно, на столе стояла неременная бутылка голубоватого первача. Бутылка малость запотела (в погребе стояла). Новоторов, широко улыбаясь, спрашивал: «Как вам, Сергей Николаевич, наша деревенская баня?»

– Замечательно, Никита Артемьевич! А за массаж особая благодарность. Спина как новенькая. Обязательно Стремянному расскажу.

– А вы и Стремянного знаете?

– Я вам честно скажу, Никита Артемьевич, Стремянный – одна из причин, по которой я в эту область подался. Помните песню «Мы не от старости помрем, от старых ран умрем»?

– А массажу этому меня, между прочим, как раз Стремянный и научил. А я Катерину. Вот теперь она меня и спасает.

Екатерина, кончившая хлопотать, тоже села за стол: «Ох до чего ж ты, Артемьич, поговорить любишь! Совсем гостя нашего заговорил, а на столе-то все стынет!»

– Точно, Катя, и водка киснет. Ну первую за знакомство. Чтоб оно не кончалось!

Потом выпили за хозяйку, за гостя, за хозяина, потом Катерина тихонько оставила мужа с гостем с их мужскими разговорами.

На следующее утро

– Спасибо тебе Никита за всё, как говорится, за стол и кров. А баня у тебя отменная! Приезжай и ты ко мне, всегда рад буду. Правда, такой бани не обещаю.

– Чем богаты, тем и рады. Да, Сергей, а у меня к тебе дело. Мы ведь всё на своем горбу. Все наши работы бабы своей хребтиной вытягивают. Лошадь такого не выдержит!

– Понимаю, все понимаю. Только вот ведь какая загвоздка – у вас поблизости никаких высоковольтных линий нет, а строить специально для вашего колхоза не получается: нагрузка мала.

– Ну на нет и суда нет.

– Ты не горячись. Есть у меня одна идея. Получили мы трофейные электростанции малой мощности – ветряки, дизельные, даже две гидронасосные.

– А это еще что за зверь?

– Это хитрая установка: Когда нужна энергия – работает как электрогенератор, остальное время в резервуар воду качает, а потом на той же воде и работает. Погоди. Ты меня перебил. Эти станции мне не нужны, а вот твоему колхозу могут сгодиться.

– Эт-то хорошо, эт-то спасибо. А только кто эти станции установит и обслуживать будет? У нас таких специалистов нет.

Сергей задумался, почесал в затылке: «С людьми туго. Послать твоих девушек на курсы, а?»

– Можно, конечно. Да ведь у нас каждая пара рук на счету. Опять же образование – война ведь тут три года гуляла, не до учебы было. И еще, закрутят девчонкам голову городские ухажоры – что делать будем?

– Я еще сам до конца не все продумал. Сделаем так. Приедешь в город, поговорим. Глядишь, что и надумаем. А пока предварительно кое с кем поговорю. А тебе вот что посоветую. Инвалиды по поездкам ходят, милостыню просят. А можно ведь многих из них к делу приспособить, к нормальной жизни вернуть. Подумай, а то все жалуются на нехватку людей, а люди вот они. Конечно, многие из них не подарок, пьют, нервы ни к черту. Но это жизнь у них такая. А при нормальной жизни... Подумай, а на мою помощь всегда можешь в этом деле рассчитывать. Мы ведь с тобой оба фронтовики.

Разговор с секретарем обкома

– Аркадий Михайлович, к вам Серебров. – Помощник секретаря, пожилая, подчеркнуто скромно и строго одетая женщина с убранными в пучок седыми волосами, вопросительно смотрела на первого секретаря обкома партии. Дело было в том, что в обкоме невзлюбили Сереброва заочно. Приехав в область, он не поспешил представиться в обкоме, как полагалось по неписанному этикету, а сразу занялся своими производственными делами, не получив так сказать напутственного слова партийного руководства. За такую партизанщину, конечно, нужно было как-то его ущемить, например, принять через несколько дней, или же хотя бы заставить посидеть в приемной пару часиков, чтобы осознал.

– Знаете что, Клавдия Васильевна, – Аркадий Михайлович улыбнулся, – не будем его сегодня воспитывать. Просите.

Медведев, несмотря на свою молодость (ему еще не исполнилось и тридцати пяти), был великий дипломат и никогда не спешил с выводами и решениями. Поэтому, когда Сергей, сопровождаемый укоризненным взглядом Клавдии Васильевны, вошел в кабинет, ему навстречу широкими шагами, сияя тысячесвечевой улыбкой и протянув для рукопожатия руку, двинулся Медведев: «А мы вас ждали, ждали, ждали!»

Не нужно было быть большим ученым, чтобы понять, что это дипломатически оформленный упрек.

У него, пожалуй, в бархатной перчатке может оказаться стальной кулак, – мелькнуло в голове Сергея, но тем не менее молодой секретарь показался ему симпатичным. – Здравия желаю, товарищ секретарь! – молодцевато, чтобы сгладить неловкость первой встречи.

– Что-то вы нас не больно жалуете. Злые языки утверждают, что вы за это время успели даже в соседних областях побывать, а вот нас навестить... Все это было сказано шутливым тоном, но Сергей понимал, что сейчас схлопотал свой первый, хотя и устный, выговор. – Так что вы нового узнали, с чем хорошим пришли?

Сергей положил на стол амбарную книгу, как тогда называли толстые разлинованные тетради большого формата в твердом переплете.

Медведев с притворным ужасом покачал головой: «Сергей Николаевич, мне ваш громадный труд охватить не по силам. Сделаем так. Вы мне сейчас расскажете что к чему, так сказать, по огибающей. Потом приготовите доклад для обкома эдак часа на полтора-два, не более. А там посмотрим, может быть даже комиссию для выработки решений соберем. Итак, прошу вас. Хотя, минуточку, – появившейся в дверях Клавдии Васильевне, – нам, пожалуйста, кофе, и возьмите на себя телефоны. Мы надолго и всерьез. Итак, слушаю вас очень внимательно.

– Я попросил моего предшественника не бросать нас на произвол судьбы и остаться у нас главным консультантом. Под его руководством подготовлены три справки: по существующим мощностям и топливным ресурсам; по электрическим сетям, подстанциям и линиям электропередачи; а также по имеющимся потребителям электрической и тепловой энергии и пиковым нагрузкам. Кроме того, в Облплане получены данные о перспективах на ближайшие пять лет. Затем, я постарался побывать в наиболее характерных районах области и переговорил с руководителями энергохозяйств двух соседних областей.

– И это все за неполный месяц?!

– Что делать? Жизнь торопит. Думаю, что о существующем хозяйстве я ничего нового для вас сказать не смогу. Все оборудование крайне изношено и работает на честном слове. Существующие мощности в состоянии покрывать не более половины пиковых нагрузок. А если какие-то генераторы вывести на профилактический ремонт, не говоря уж об авариях,

то... Мы обратились к руководителям наиболее крупных предприятий с просьбой пересмотреть производственные графики, вплоть до переноса выходных дней, чтобы сократить их участие в пиковых нагрузках. Техуправление разрабатывает мероприятия по двойной тарификации, то есть за участие в максимуме в часы пик платить за электроэнергию придется дороже.

– А разве так можно?

– Конечно! Пиковые нагрузки напрямую связаны с генераторными мощностями, а за эти мощности нужно платить.

– Я в этом, честно говоря, не силен. Обоснуйте специальным письмом, постараемся поддержать.

– Соседние области находятся в другом часовом поясе. Кроме того, у них на границе с нами имеются некоторые избыточные мощности. Они согласились подпитывать нас на условиях взаимобмена. Но для этого нужны линии электропередачи 220 киловольт большой пропускной способности. Согласно данным Облплана намечается строительство двух больших заводов со своими тепловыми электростанциями. К сожалению технико-экономическими обоснованиями предусматривается строительство этих заводов, что называется, в чистом поле, вдалеке от наших крупных городов. Проектантам так, конечно, удобнее, а вот нам... Во-первых, мы не сможем использовать их тепловые и электрические мощности; во-вторых, предполагается для этих объектов использовать тот газ, который сейчас подается в область, то есть посадят область на голодный паек.

– Сергей Николаевич, вы краски не сгущаете?

– К сожалению, нет. Еще один неприятный момент. На первую очередь строительства не предусмотрены очистные сооружения на сбросах отработанных вод. Это, конечно, большие капитальные затраты, но беда в том что заводы будут строиться выше областного центра по реке. Поэтому наши водозаборы получают всю грязь. Кроме того, ничего не говорится о том, где будут взяты людские ресурсы для строительства и эксплуатации этих предприятий.

– Насчет ресурсов – это, как теперь говорят, их трудности. У нас брать нечего. Хотя, конечно, на время строительства... А вот с очистными сооружениями – это страшно. Так и до эпидемий недалеко. Что же вы предлагаете?

– Поговорили мы с Облпланом и директорами некоторых предприятий в предварительном порядке. Как будто получается, что можно будет выпускать продукцию, для которой намечаются эти заводы, по крайней мере их первой очередью строительства, на существующих предприятиях. Конечно, потребуются провести серьезную реконструкцию. Зато сможем и электростанции новые с большей отдачей использовать. Опять же, практически, новые людские ресурсы не потребуются, по крайней мере, столько, сколько для новых заводов. Ну и новые очистные сооружения городу не помешают.

– Проектанты так просто не согласятся. Насколько я знаю, их технико-экономические обоснования уже переданы министерствами в Госплан. Да и нами эти ТЭО тоже, к сожалению, согласованы.

– Придется разработать новые ТЭО. Без спора не обойтись. Облпромпроект готов. Выполнить эту работу, но нужно решение и финансирование.

– С вами не соскучишься. Добивайте, Сергей Николаевич. – Медведев подчеркнуто тяжело вздохнул. – Что там у вас еще?

– Синцовский и Черногрязевский районы не электрифицированы, если не считать движки при районных учреждениях. Как сказал мне один председатель колхоза: «В лесу живем, пню молимся.»

– За такие шутки партбилеты отбирать надо! Что предлагаете? – настроение у Аркадия Михайловича портилось на глазах.

Сергею почему-то вспомнилось из какого-то юмористического рассказа «Вот-вот начнет менять гнев на бешенство!» – Потом одернул себя: «Что предлагаю? Предлагаю паллиатив. Для прокладки линий электропередачи нагрузки пока малы и разбросаны на большой территории. А есть на складах у нас и у наших соседей ветряки и малые гидрогенераторы для речек и ручьев. По репарациям получили. Для их установки и прокладки низковольтных сетей нужны проекты. Сельэлектропроект готов провести совместно с гидрометеорологами обследование, а потом выполнить рабочие чертежи. С монтажом мы поможем. Опять нужны деньги.

– А с обслуживанием как?

– С обслуживанием сложно. Дежурству можно обучить семиклассников. А для ремонтных работ придется организовать специализированный отряд.

– Трудно все это, Сергей Николаевич.

– Конечно трудно. Но что делать? Где нет техники, там ручной труд.

– Это верно. Придется помогать. У вас всё?

– В первом приближении.

– За неделю с докладом для бюро управитесь? – Медведев посмотрел на часы. – Знаете, который час?! Вы на машине? Понятно. Вы где живете?

– Пока в гостинице. Некогда было жильем заниматься.

– А вам и не нужно. Это наш грех. Через две недели будет вам трехкомнатная квартира.

– Зачем такая большая? Мне в Москве одной комнаты хватало.

– Это в Москве. А у нас вы большое начальство. Кабинет нужен. А там, глядишь, и семьей обзаведетесь.

* * *

Медведев все больше проникался симпатией к энергичному, напористому и в то же время интеллигентному управляющему Облэнерго, с которым, помимо всего прочего просто интересно было разговаривать. Оказалось, что оба они заядлые шахматисты и большие любители решать этюды.

Поэтому в обкоме перестали удивляться, что Медведев и Серебров часто проводят вместе свободные вечера. О чем работники обкома не догадывались, так это о том, что из своих частых поездок по области Сергей привозил неприукрашенную информацию о реальном положении вещей. Постепенно Аркадий Михайлович и Сергей Николаевич прониклись доверием друг к другу и частенько обсуждали вопросы, о которых даже и говорить в те времена было рискованно.

Партхозактив

Сегодня в «Голубом Дунае», он же «Не ищи меня родная», не то, чтобы тишина, но намного спокойнее, чем в обычные дни. Самых больших горлодеров мягко (зачем клиентов обижать), но решительно попросили «отдохнуть». Сегодня председательский день. Такой день бывает два раза в году: весной, перед началом посевной, и осенью, когда подводятся итоги сельскохозяйственного года. Ну в конце года что может быть? Кого-то наградят – без этого нельзя: должны же быть успехи, а как же иначе? Кому-то взыскания дадут – снимают редко: охотников на должность председателя колхоза немного, уж больно работенка каторжная – все с тебя спрашивают, все на тебя орут, все тобой помыкают, и всё это измывательство почему-то конкретной помощью называют. А вот весенний партхозактив дело другое. Тут надо держать ухо востро, хотя, уж если правду сказать, так и здесь твое дело телячье – верти хвостом и улыбайся. А все-таки, если председатели между собой сговорятся, то любителей «лепортировать» и брать завышенные обязательства можно малость унасекомить, и руководству областному кое-какие претензии предъявить, чтобы не забывало, на ком земля держится.

Вот и собираются председатели в этой забегаловке перед хозпартактивом за жизнь потолковать, слухи всяческие обсудить (плохие слухи, как правило, сбываются), да мало ли у председателей общих тем. Да и председатели вместе за одним столом (из трех столиков составленным) не все собираются – только народ серьезный, проверенный, не один год на этой каторжной должности пребывающий. Вот председатель колхоза «Путь к коммунизму», Соколов Игнат Игнатьевич, человек-легенда, с самого образования этим колхозом руководит, не одно поколение всяческих начальников пережил, все видит, все знает. Одна беда – здоровье последние годы пошатнулось, зимой на заслуженный отдых собирается. Честно говоря, может и поскрипел бы еще сколько-то годков, но начальство областное и районное выпроваживает: уж очень он трудный человек, ему нельзя приказать, уговаривать надо. Ну и что из того, что колхоз крепкий, что колхозники живут там лучше, чем в иных прочих местах? Начальники тоже живые люди – ежели каждого уламывать-уговаривать, так это никаких нервов не хватит.

Напротив него Новоторов Никита Артемьевич из колхоза «Вперед», фронтовик, ордена, медали, ногу потерял. Человек он не слишком молодой, за сорок, руководитель энергичный, в городе многих знает – все колхозу на пользу: бетонные плиты на заводе стройматериалов бракуют, а он об этом уже извещен, тут же предлагает бесплатно вывезти, дорогу к шоссе ими замостил; электричество не подводят – а у него ветряки и гидронасосы-генераторы работают. И от него польза – обмотки моторов и трансформаторов приспособились в колхозе перематывать. Другие подсобные производства организовали. Колхозники в осенне-зимний период там работают, живую копейку зарабатывают. Еще четверо председателей, крепких середняков, за столом сидят, солидно, степенно дела обсуждают.

Вроде бы рестораник так-себе, в городе есть и получше, но чем он серьезных людей привлекает: за твоим столом тебя слышат, а за соседним как уши не напрягай – ничего.

– Так вот что я вам, други мои, скажу, – Соколов набрал воздуха, одышка треклятая замучила, – конечно, инициативщиков на активе ждать надо. Думаю, что кто-то из молодых да ранних выскочит с полуторным планом хлебопоставок. Значит и нам нужно кого-то подготовить, но тонко, умело.

– Я думаю, Рыбникова, он до этого года сам бригадиром был, дело понимает, – пробасил председатель «Заветов Ильича». – А насчет подготовки – скажу ему пару слов, да он и сам грамотный, сельхозтехникум кончил, или Коноплева, тоже грамотный, только что из армии, ремонтником был.

– Еще меня что грызет, хоть вроде не сегодняшнего дня разговор. – продолжал Соколов, – есть у меня замена, сам готовил, но ведь чужого дядю навязывать будут, моего Самарина наверху не любят. Сколько я ему чертушке говорил «Не лезь, не спорь. Соглашайся, а делай как считаешь нужным.» Нет, все доказывает! – Опять тяжело вздохнул старый Игнат.

– Ладно, не чужие люди, присмотрим, – успокоил Новоторов.

Председатели согласно закивали: что Новоторов умеет «присмотреть», знали. Вроде бы и нет его там, где кому-то что-то «разъясняют», а почему-то на него думают.

– Ну и ладно. Теперь насчет лошадок, огороды вспахать. Кто поможет?

– А твои-то где?

– А мои на неудобьях пашут, косогоры там...

Председателям объяснять не надо: не у него одного тайные поля.

– А фуражом поделишься?

– Конечно! О чем разговор.

* * *

На хозпартактиве все шло своим чередом. Председательствующий объявил совещание открытым. Потом исполнили гимн – все встали. Потом избрали почетный президиум – Политбюро во главе с товарищем Сталиным. Председательствующий предложил выдвигать кандидатуры в рабочий президиум. Все насторожились: рабочий президиум штука серьезная, можно сказать политика. Ведь как бывает: человека постоянно выбирают в президиум, он у всех на виду, и вдруг нет его в списке. Что такое?! Вроде бы ничего такого и не сделал, замечаний, а тем более выговоров не получал. А он уже не тот! Вокруг него настороженная тишина. Что-то с ним не так! Надо держаться на всякий случай подальше. Вот поэтому в зале тихо. Встает кто-то не то в третьем, не то в четвертом ряду. Дескать, рядовой товарищ, можно сказать голос масс, достает из кармана список: «Я предлагаю ввести в президиум следующих товарищей...» Ишь ты! Я предлагаю! Да над этим списком чуть не месяц в обкоме и в райкомах работали, с инстанциями согласовывали!» Все это конечно понимают, но порядок, тьфу, то есть демократия нужны, а как же иначе. Список оглашен. Больших неожиданностей нет. Соколова не включили, понятно: он на излете. Нового начальника областного управления госбезопасности Ростовского в президиум ввели... А куда старый девался? Ладно, не нашего ума дело. А вот этот Якименко откуда взялся? Да это же новый председатель колхоза «Новая жизнь»! Это серьезно: в президиум зря не посадят. Не иначе как он с инициативой выступит.

Потом опять пошло как обычно. Первый секретарь Медведев с часовой речью выступил (Хотелось Александру Михайловичу это дело секретарю по идеологии поручить, но нельзя табель о рангах нарушать.). Расказал о невиданных успехах нашей страны за отчетный период, о великих стройках коммунизма, о том, что все трудящиеся всех стран с надеждой взирают... (*Что этот идиот мне написал?! – но одернул себя, – Сам виноват, читать загодя надо было.*) Наконец, перешел к областным делам, перечислил что в области строится и намечается к строительству, сколько жилья в строй введено, а потом перешел к главному: «Время товарищи напряженное, нельзя забывать о капиталистическом окружении, Родине нужно помогать. Парторганизация области надеется на вас, товарищи колхозники. Я уверен, что все сельхозработы будут проведены в сжатые сроки, будет получен достойный урожай, и все вы выполните как положено первую заповедь колхозника.»

– Слово представляется председателю колхоза «Новая жизнь», товарищу Якименко Якову Николаевичу, – объявил председательствующий.

Из-за стола президиума поднялся и неторопливо прошел к трибуне (видать бывалый – отметили про себя председатели) человек лет тридцати в новенькой командирской гимна-

стерке, с зачесанными назад темнорусыми волосами. Окинул взглядом маленьких, но цепких глаз зал, чему-то улыбнулся, достал из нагрудного кармана гимнастерки сложенные вчетверо листки и начал читать. Сначала шла ритуальная часть, то есть он говорил о заботе Партии и правительства и лично товарища Сталина о колохозном крестьянстве, неодобрил американских и британских империалистов, – все это председатели слушали в полуха, ждали, когда заговорит о деле, и дождались: «В ответ на заботу... мы, колхозники колхоза «Новая жизнь», подсчитав свои возможности, принимаем на себя следующие обязательства, а именно сдать государству поставки по молоку, маслу и мясу не менее, чем на 140 процентов от плана, а по зерновым 150 % к плану. Мы призываем всех колхозников области последовать нашему примеру.»

– *Ну вот теперь все ясно: еще одного Сенькина нам на шею накачали*, – поморщился как от зубной боли Соколов. – *Ну да ладно, мы тоже не лыком шиты, кое-что на этот случай приготовили.*

– Ну товарищи, кто первый? Смелее! Смелого пуля боится, смелого штык не берет, – подбадривал председательствующий. Но не спешили откликнуться председатели. Наконец, поднялась рука: «Разрешите!»

– Пожалуйста, пожалуйста, прошу к трибуне. Не перевелись еще на Руси смелые люди! Слово предоставляется председателю колхоза «Власть Советов», товарищу Коноплеву Ивану Сергеевичу.

Коноплев, тоже молодой, тоже в гимнастерке, видно недавно из армии, поправил спадавшую на глаза русую прядку, посмотрел в зал, оглянулся на президиум, потом вдруг как-то напрягся, как перед прыжком: «Дорогие товарищи, я как и Якименко, первый год председательствую. Люди у нас хорошие, душевные, стараются помогать. Хозяйство, грех жаловаться. Фуража до весны хватило. Посевной материал тоже есть. Волков хорошим хозяином был. Вот мы перед хозпартактивом с бригадирами, агрономом и зоотехником подсчитали, какие обязательства на себя можем принять. Получается на круг не более 115, от силы 120 процентов, если, конечно, погода не подведет. Может мы чего недоучли, не так считали... Вот хорошо бы Якименко нам объяснил, как это у него получается. У меня всё.»

В зале начались оживленные разговоры, а в президиуме возникла некоторая растерянность. Ростовский шопотом бросил несколько фраз насчет антисоветчины, а также о том, что пора бы призвать к порядку и сурово наказать. Первый секретарь Синцовского района нахмурился, вполне обоснованно предвидя, что схлопочет взыскание за слабую подготовку к хозпартактиву и плохое воспитание руководящих кадров. Все глядели на Медведева: дескать, ты главный, ты и выручай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.